

Глава 262 - Мечты Нанке о пробуждении мира человека

Посреди бесплодной горы был бамбуковый лес, и старший пастух жил в этом бамбуковом лесу.

Группа учеников из Академии Бога Войны не вошла в глубины бамбукового леса, и после того, как старший спасал толпу, он оставил только сообщение для Чу Юнь, чтобы пойти и найти его, когда он придет, а затем позволил ему войти в бамбуковый лес, чтобы очистить свой разум.

Толпа Академии Военного Бога, с другой стороны, построила на окраине бамбукового леса соломенные хижины для временного проживания, а толпа, как правило, охотилась и собирала дикие плоды в пустынных горах, а также некоторые продукты питания, хранящиеся в пространственных артефактах, чтобы временно провести свои дни.

В полдень Чу Юнь вошел в бамбуковый лес, чтобы посетить эту таинственную старшую фигуру.

Щелк... Щелк... Щелк...

Звук скрипки доносился из глубин бамбукового леса, словно с древних времен, с чувством бледности и неохоты, но при этом она сливалась с птицами пустынной горы и движением ветра бамбукового леса, заставляя людей внезапно почувствовать опустошение мира и жизни.

Чу Юнь знал, что звук скрипки должен был исходить от того таинственного старшего, потому что в этой пустынной горе, кроме людей из Академии Бога Войны, был только этот старший.

Более того, по словам Хэй Бо, вся пустынная гора была запрещенной территорией для посторонних, и даже королевская семья не осмелилась бы подойти к ней.

Это было потому, что этот старший любил уединение, и королевская семья знала о его существовании, но, казалось, было много угрызений совести о нем, не осмеливаясь нарушить его уединение в малейшей степени.

Чу Юнь шаг за шагом следовал за звуком циня, он был удивлен, что его система, к этому звуку циня, не могла обнаружить ни малейшего недостатка, то есть, эта песня циня, казалось, что это не набор звука циня боевые навыки.

И тем не менее, этот цитрусовый кусок смог вызвать прекрасное настроение скорби.

Чу Юнь медленно двигался вперед, звук цитры, казалось, был недалеко, но, он шел в бамбуковом лесу больше чем полчаса, и звук цитры все еще казался прямо перед ним, но он просто не мог увидеть человека, играющего цитру.

Как будто расстояние между звуком цитры и ним никогда не менялось.

Сердце Чу Юнь становилось все более и более озадаченным, и он становился все более и более любопытным и уважительным к этому таинственному старшему.

Даже будучи демоном циня, пастушья песня дала ему гораздо меньшее чувство, чем этот человек на единственном пути циня.

Наконец, звук циня постепенно становился спокойным, и пустынное чувство рассеивалось незамеченным, сменяясь своего рода естественным спокойствием, подобным плоскому озеру, отражающему луну и ветер вблизи редкого бамбука.

Продолжайте идти вперед около пятнадцати минут, фронт вдруг стал открытым, бамбуковый

лес в другой пещере, спокойный бассейн с водой в глаза.

В водном пруду были цветы лотоса в полном расцвете.

Чу Юнь был удивлен: уже поздняя зима и снег часто вылетел на улицу, но температура здесь была теплая, а цветы лотоса были несравненно роскошными и нежными, плюс находясь посреди гор, он добавлял несколько очков чистоты и безупречности, так же, как и вневременная фея, не окрашенная красной пылью.

Чу Юнь медленно подошел к пруду, не осмеливаясь издавать ни малейшего звука.

Он видел, что цветки лотоса покрыли почти весь пруд, за исключением круглой площадки диаметром более двадцати метров в центре пруда.

Вода была прозрачной, как зеркало, отражая окружающие цветы и листья лотоса, а также зеленые холмы и бамбук, голубое небо и белые облака, создавая неземное настроение.

Как будто в этом двадцатиметровом теле воды было целое небо и земля.

Однако в центре воды диаметром двадцать метров была еще одна сцена.

В центре водоема стоял черный риф, вершина рифа была невероятно гладкой, но, похоже, она не была отполирована, больше похоже, что кто-то сидел долгое время, а края и углы на поверхности рифа износились плотью.

В это время на вершине рифа тихо сидела бессмертная фигура в белой одежде с гукином на коленях.

Глаза старика опускались, и он смотрел спокойно и тихо, пальцы нежно щипали за ниточки.

Горловой звук инструмента выливался из струн.

Как будто он в сказочной стране, Чу Юнь не мог не закрыть глаза.

Его сознание, казалось, медленно поднималось, когда звук цитры плавал и качался, глядя из пустоты вниз на эту бесплодную гору и пруд с водой.

Наряду с растущим сознанием, открылось и поле зрения.

Сначала он мог видеть только старика, сидящего на рифе, ласкающего цинь, затем круг спокойной воды озера, затем листья лотоса на окраине, затем круг зеленеющих бамбуковых лесов, и, наконец, всю бесплодную гору и даже императорский город, всю империю, Великую династию Янь, и даже царство Yanhuang.

Его видение, как круг рябь, с стариком в центре, продолжал распространяться, безгранично.

Разум Чу Юнь становился всё более и более тонко-вещественным, его сознание шло прямо к девятому небу, возвышаясь над красной пылью существ, миром и небом было настолько огромным, что казалось, что в этот момент весь мир и земля были взяты им.

Это ощущение было очень загадочным, резонно было сказать, что такой взгляд на мир легко породил бы желание покорять и возвышенные стремления, однако то, что было у Чу Юня в сердце, было не покорением, не возвышенными стремлениями, а необъяснимым чувством отстраненности.

Казалось, что в его сознании возникло ощущение неба и земли без меня и без меня, без неба и земли, как будто все его сознание оторвано от неба и земли, исследуя мир и горы с точки зрения зрителя.

Чувство, кажется, поставило себя на один уровень с миром, совсем как значение слова "единство небесное", но не дикое, как должно быть.

Звук цинь все еще там, как будто Чу Юнь во сне, обстоятельства его жизни, бессознательно пришли в его сердце.

Невежество молодости и зрелости двух жизней смешались друг с другом, изливание двух душ и слияние воспоминаний двух жизней, оставляя его дух в чрезвычайно загадочном царстве.

Он осиротел в юном возрасте, страдая от холода человеческого мира, ему было тяжело окончить аспирантуру, первое в его жизни чистое небо, но необъяснимо перекрещивалось.

Но он необъяснимым образом перешел на другой конец света, отягощенный глубокой ненавистью к истреблению своей семьи и захвату своих жил, и был помещен в центр бесконечной погони за божественной Огненной Империей и шестью князьями Великой Династии Янь.

Он не может найти свою душу и способ вернуться домой, и не может разгадать тайну пересечения границы.

Первый вкус любви, юношеский импульс и туманность позволили его сердцу следы сладости и тепла, к этому странному миру, также постепенно привязывается к привязанности галстуки.

Однако прилив зверя извергается, Король Дракона наносит ему удар, и он попадает в плен, а абсурдная планировка Короля Дракона полностью меняет траекторию его жизни с Муромом Юнью и Чжоу Менчэнем.

Царь Войны становится сильным, а Академия Бога Войны находится в опасности, поэтому он делает ход в последнюю минуту и восстает против шансов, но в конце концов, он не может изменить исход разрушения Академии.....

По его мнению, бесчисленные фрагменты памяти мерцали, бесчисленные тексты мудрецов возникали один за другим, чтобы раствориться, и бесчисленные прозрения также мерцали.

Чу Юнь не пытался ухватить эти прозрения, не пытался вспомнить никакие воспоминания, не размышлял тщательно о каких-либо афоризмах мудреца.

Он держал себя твердым, его тело, ум и сердце непоколебимо.

Пусть разочарование будет непостоянным.

Звук цитры остался неизменным, и вдруг разум Чу Юня открылся, его глаза все еще закрыты, но он читал стихи и цитру.

Оглядываясь на облачное небо.

Облака высокие, а вода далека.

Я безоблачный и безводный райдер.

Я хочу быть бессмертным на острове Пенглай.

Опавшие листья, забытые годы.

Давайте путешествовать по миру и следовать за судьбой.

Не смейся, если ты далеко от Пенглая.

Нанке мечтает о том, чтобы пробудить человеческий мир.

Голос Чу Юня был внезапным и медленным, высоким и низким, поначалу казалось, что он не соответствует звучанию цитры, но постепенно возникло ощущение взаимной гармонии и взаимодополняемости.

Когда Чу Юнь прочитал последнюю строчку "Nanke Dreams of Awakening the Human World", мелодичное звучание цитры также выпало на последнюю ноту.

Я не уверен, смогу ли я это сделать, но думаю, что смогу.

<http://tl.rulate.ru/book/45397/1099900>